 Сержио Дуарте (Бразилия), посол, высокий представитель ООН по вопросам разоружения (2007–2012 гг.) — по электронной почте из Бразилии: Международная безопасность стремительно понижается по четырем основным причинам. Ядерные державы по-прежнему не намерены брать на себя конкретные, необратимые, верифицируемые, правовые обязательства по сокращению своих ядерных арсеналов. Подобная неуступчивость угрожает вылиться в ядерную гонку вооружений в космическом пространстве. Неядерные державы чувствуют свою уязвимость перед ядерными, что провоцирует их на создание и распространение собственного ядерного оружия. Отсутствие ясности вокруг ядерной программы Ирана и нежелание руководства страны давать какие-либо внятные объяснения мировому сообществу по этому вопросу — еще одна глобальная угроза. КНДР осуществила запуск двух ракет малой дальности, что усилило напряженность на Корейском полуострове. Нет поводов для надежды, что ситуация в мире улучшится летом 2012 г.

В **России** в городе Тюмень 2 апреля произошла авиакатастрофа, погибли более 30 человек.

В **Пакистане** 20 апреля при заходе на посадку разбился пассажирский самолет, погибли 127 человек.

Крупные теракты совершены в Афганистане, Турции, Ираке, Таиланде, Пакистане, Сирии, Сомали, Колумбии.

Антиправительственные демонстрации имели место в Сенегале, Бангладеш, на Мальдивах.

В марте в городе Кашгар Синьцзян-Уйгурского автономного района **КНР** вспыхнули столкновения с участием местных жителей, есть жертвы.

В **Индии** на саммите БРИКС 28 марта подписано соглашение о предоставлении кредитов в национальных валютах.

В **Аргентине** 11 апреля у посольства Великобритании вспыхнули массовые беспорядки из-за Фолклендских островов.

Галия Ибрагимова

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ИЗБИТЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И НОВЫЕ ТРЕНДЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Утверждения, что международная политика и вся мировая система вступили в период бурных изменений, стали банальностью. Однако большинство оценок и прогнозов, подготовленных правительственными ведомствами, корпорациями и академическими экспертами, как, впрочем, и стереотипы массового сознания, де-факто исходят из неизменности существующих трендов. Эпицентр глобальной экономики и политики перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион. Развитие событий там определяется соперничеством США и Китая, превращающегося в гипердержаву XXI в. Россия была, есть и будет главным поставщиком газа в Европу, а страны Персидского залива — нефти на мировой рынок. В закат Европы и США поверили уже авторы популярных статей на эту тему. Список такого рода аксиом нынешнего стратегического мышления достаточно длинный.

Между тем развитие событий все острее ставит вопрос — в какой мере существующие представления о развитии международной системы требуют коррекции? Неясно, правда, можно ли на него ответить. Так, автор бестселлера «Черный лебедь» Насим Талеб пишет: «Мы прогнозируем дефициты бюджета и цены на нефть на тридцатилетний срок, не понимая, что не можем знать, какими они будут следующим летом. Совокупные ошибки в политических и экономических прогнозах столь чудовищны, что когда я смотрю на их список, мне хочется ущипнуть себя, чтобы убедиться, что я не сплю. Удивителен не масштаб наших неверных прогнозов, а то, что мы о нем не подозреваем. Это особенно беспокоит, когда мы связываемся в смертельные конфликты: войны непредсказуемы по самой своей природе (а мы этого не знаем)»¹. Для таких суждений есть немало оснований. Но, возможно, дело не в неспособности человеческого мышления предвидеть изменения сформировавшихся тенденций. Скорее, причина лежит во взаимоотношениях экспертного сообщества, бюрократических и политических элит, корпораций и масс-медиа. Немалую роль играет механизм формирования и эволюции политических стереотипов.

Последние возникают как отражение — относительно адекватное или частично искаженное — тех или иных элементов окружающей действительности. Однако будучи инерционными, они со временем приходят во все большее противоречие с меняющейся реальностью. Но и массовое сознание, и элиты, как правило, отвергают точки зрения, не укладывающиеся в систему установившихся представлений. В свою очередь, экспертное сообщество, единственно способное систематически выявлять и оценивать новые тренды, склонно не корректировать устаревающие взгляды, а приспосабливаться к доминирующим мнениям. А правящие группы заинтересованы в том, чтобы экспертные круги поддерживали их стратегические установки, и в этих целях закрепляют или формируют соответствующие стереотипы².

Дайан Джаятиллека (Шри-Ланка), Посол Шри-Ланки во Франции, постоянный представитель Шри-Ланки при ЮНЕСКО, профессор — по электронной почте из Парижа: Переговоры США с талибами деморализуют всю суть военной кампании Международных сил содействия безопасности в Афганистане. Сами талибы понимают, что следует выдержать некоторое давление до тех пор, пока Вашингтон не выведет весь контингент из страны. Талибы обладают мощной военной и идеологической базой и признаются серьезной политической силой в стране. В Южной Азии сдержанно относятся к переговорам США с талибами, но приветствуют любой политический диалог, осознавая, что американцам вряд ли удастся выиграть эту войну. Несмотря на большие потери в ходе афганской кампании, США и их союзники не спешат создавать архитектуру безопасности, включающую в себя все стороны, заинтересованные в стабилизации ситуации в Афганистане. Но если талибы останутся, condominium стран, включающий Россию, Китай, Пакистан, Индию и Иран жизненно необходим для поддержания безопасности в соседних с Афганистаном регионах. Многое будет зависеть от динамики политических процессов в Пакистане.

На мой взгляд, для того, чтобы вернуть Афганистан в лоно цивилизованных стран, необходимо принять ряд неортодоксальных решений. Важно начать развивать в ИРА институт гражданского общества, вернуть в страну сотни и тысячи образованных людей, принадлежавших ранее Коммунистической партии Афганистана и Народно-демократической партии. Эти силы должны войти в состав нового коалиционного правительства и сформировать национально-демократический характер его развития.

КИТАЙСКИЙ КОЛОСС НА ГЛИНЯНЫХ НОГАХ

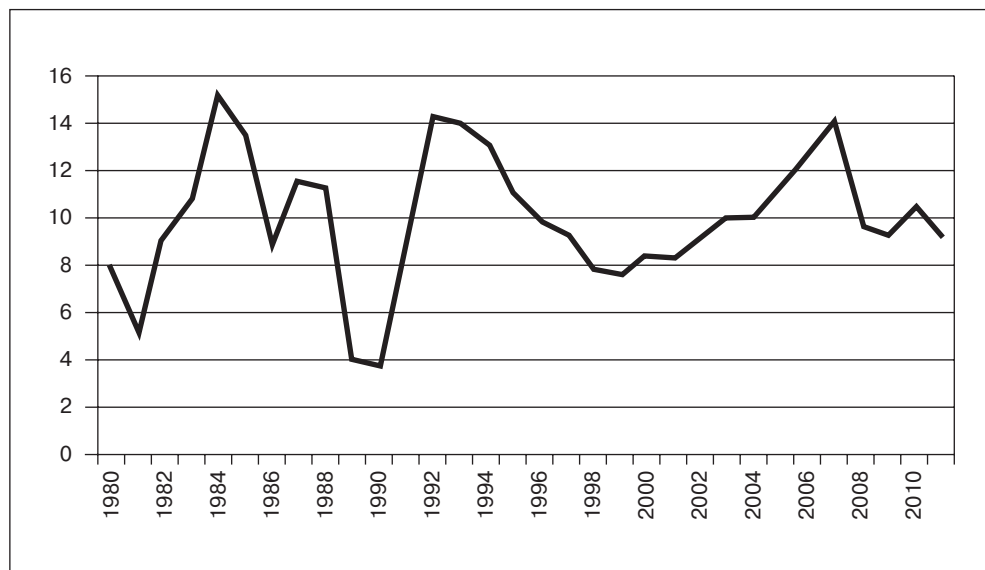
Считается, что в обозримой перспективе Китай выйдет примерно на один уровень с США по экономической, а затем и по военной мощи. В результате возникнет новая, относительно стабильная глобальная система, основанная на американо-китайской биполярности. Европа, не говоря уже о России, окончательно отойдет на второй план. Масс-медиа нередко рисуют малопривлекательную картину того, как загадочные правители Китая, вдохновленные бессмертными идеями Сунь-цзы, в тихих кабинетах Чжуннаньхуа разрабатывают рассчитанные на десятилетия вперед планы мирового господства.

За тридцать лет, прошедших с начала глубоких экономических реформ, Китай добился грандиозных успехов. В 2011 г. ВВП Китая составил по текущему обменному курсу около 7,3 трлн долл., или примерно половину соответствующего показателя США, а пересчитанный по паритету покупательной способности ВВП достиг умопомрачительной величины — 11,3 трлн долл. — около 14% мирового ВВП³. На 500 млн человек (с 85% в начале 1980-х гг. до примерно 12–14% в конце 2000-х гг.) сократилось количество людей, живущих в условиях абсолютной бедности, то есть не имеющих средств для удовлетворения базисных потребностей в пище, жилье, одежде и энергии. Начиная с 1992 г. темпы роста ВВП не опускались ниже 8% в год, а в 2000-х гг. составили в среднем около 10%. В декабре 2011 г. золотовалютные резервы Китая достигли 3,2 трлн долл., тогда как в 1995 г. они не превышали 75 млрд долл.

Это оказывает гипнотическое воздействие на общественное мнение и профессиональных экономистов, умеющих лишь экстраполировать существующие тенденции. Однако имеются серьезные основания сомневаться в блестящем будущем Китая. Десять лет назад ведущий американский синолог Минсин Пей писал: «Внешнему миру Китай являет собой картину многообещающего и динамичного развития. Размер его потенциального рынка, стабильно высокие темпы роста, недавнее вступление в ВТО сделали Срединное царство средоточием прямых иностранных капиталовложений. [...] Но за кружащей голову картиной прогресса и процветания скрывается совершенно иная реальность, замаскированная сверкающими образами Шанхая, Пекина и других городов приморской зоны. Будущее

Рис. 1. Темпы роста ВВП Китая, 1980–2011 гг., %⁴

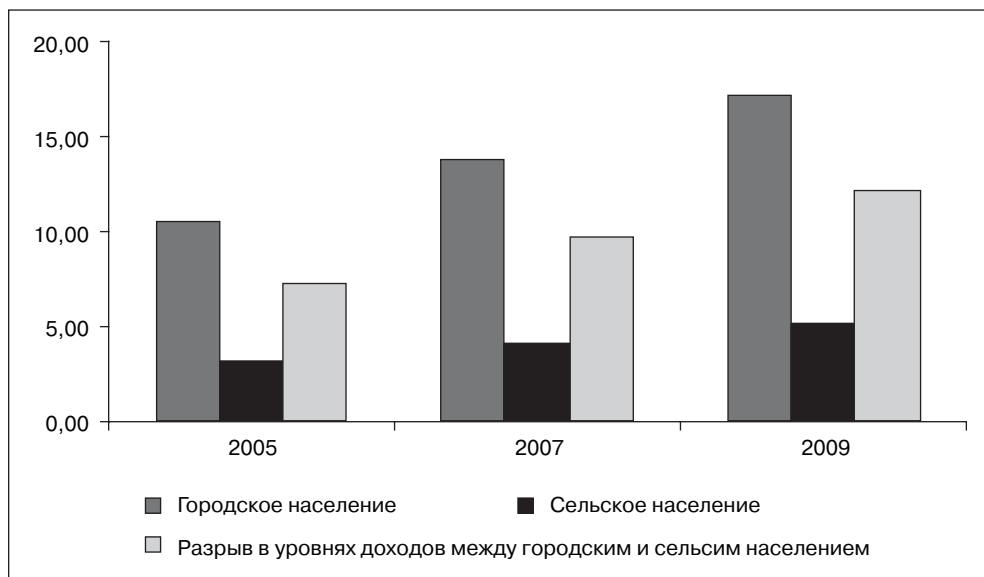

Китая и западных интересов в этой стране зависит от того, как новые лидеры Китая справятся с этой мрачной реальностью»⁵.

Сегодня такие оценки более чем актуальны. Несмотря на рост благосостояния масс острые социальные проблемы Китая далеки от разрешения. В последние месяцы нарастают признаки серьезного экономического кризиса. В начале 2012 г. на поверхность вышли разногласия в руководстве КПК.

В ноябре 2011 г. китайские власти почти в два с половиной раза повысили уровень прожиточного минимума для сельских районов, доведя его до 2300 юаней в год (около 1 долл. в день по текущему курсу), что примерно соответствует критерию абсолютной бедности, установленному Всемирным банком (1,25 долл. по ППС в день на человека). В результате, численность нищего населения в Китае оценивается в 128 млн человек. Более 40% населения страны — почти 600 млн человек, главным образом, в сельских районах, живут в условиях относительной бедности. Их доход составляет менее 2 долл. по ППС на человека в день⁶. В особо тяжелом положении находятся 150–200 млн сельских жителей, вынужденных выезжать в города для заработка. Не имея местной прописки, они лишены доступа к образованию и медицинскому обслуживанию, получают заниженную заработную плату и находятся в полной зависимости от работодателей.

Рис. 2. Доходы городского и сельского населения Китая (тыс. юаней)⁷

Быстрый экономический рост Китая сопровождался увеличением разрывов в уровнях жизни между городскими и сельскими районами; а также между наиболее состоятельной и самой обездоленной частями населения.

К концу 2000-х гг. разница между среднегодовыми доходами городских и сельских жителей превысила 12 тыс. юаней, тогда как в середине прошлого десятилетия она равнялась 7 тыс. юаней. В 2007 г. коэффициент Джини составил 0,49⁸. Судя по всему, его рост с тех пор не останавливался. Считается, что, если этот показатель достигнет 0,6, общество подойдет к грани социального взрыва. Сохраняется глубокая дифференциация между провинциями, где концентрируются инвестиции и относительно современные производства, главным образом в приморской зоне на востоке страны, с одной стороны, и центральными и западными районами, с другой.

Таблица 1. Дифференциация регионов Китая по уровню экономического развития⁹

	ВВП на душу населения (тысяч долл.)		Доля населения в 2011 году (%)
	1978	2011	
I группа	0,946	12,765	4
II группа	0,213	9,178	12
III группа	0,243	7,541	17
IV группа	0,220	5,279	21
V группа	0,156	4,336	37
VI группа	0,167	2,904	9

Наиболее развитые регионы Китая, принадлежащие к I и II группам, сопоставимы по уровню доходов с Бразилией и некоторыми другими странами среднего уровня. Там сосредоточена большая часть среднего класса, технической интеллигенции, исследовательские центры, проживает 16–20% населения. На протяжении многих лет в них направлялось более 50% национальных капиталовложений в основной капитал и более 90% иностранных инвестиций¹⁰. На другом полюсе — обширные зоны, с примерно 45% населения страны, сходные по уровню и качеству жизни с такими государствами, как Фиджи, Тонга, Эль Сальвадор или Босния и Герцеговина.

Но дело не только в самих по себе различиях в уровнях развития тех или иных регионов. В результате обостряется конкуренция за бюджетные средства и иностранные инвестиции, расходятся экономические и, соответственно, политические интересы. Наряду с приморскими провинциями восточного побережья, специфические интересы характерны для северо-восточного Китая, южных районов, крупнейшей провинции Сычуань и так далее. Само по себе это обстоятельство не приводит к политической дезинтеграции. Однако в сочетании с другими дестабилизирующими факторами, например, в случае политического или экономического кризиса такие контрасты могут оказаться опасными для единства страны.

В этой связи привлекают внимание участвовавшие в последние месяцы сообщения о надвигающемся экономическом кризисе Китая, начало которому может положить коллапс банковской системы. В конце прошлого десятилетия, под воздействием финансового кризиса в США и Европе, китайское руководство в очередной раз сделало ставку на увеличение инвестиций, чтобы сохранить высокие темпы экономического роста. Это обусловлено глубокими особенностями китайской экономики, которую любят сравнивать с велосипедом, на котором можно удержать равновесие, только двигаясь вперед. «Пока темпы экономического роста высокие, — писал, например, профессор Университета Кукмин в Сеуле А.Н. Ланьков, — уровень жизни растет у всех социальных слоев. Он растет по-разному. Молодой финансист в Шанхае думает, будет ли он покупать *Porsche*, или *Jaguar*. В это время бедный крестьянин решает, что впервые в жизни он может позволить себе не велосипед с моторчиком, а настоящий мопед. И тот, и другой счастливы, уровень жизни растет у всех, хотя разрыв продолжает возрастать. Но это происходит, поскольку велосипед движется вперед. Если велосипед затормозит — будут большие проблемы»¹¹.

Большую часть инвестиций составили банковские кредиты, в том числе выданные местным властям. По одним данным, в 2011 г. государственный долг Китая мог бы составить почти 40 трлн юаней (около 5,8 трлн долл. по текущему курсу) или около половины ВВП¹². По другим данным в 2011 г. он мог достигнуть 89 или даже 160% ВВП. Точные оценки задолженности китайских властей получить крайне трудно, если вообще возможно, поскольку значительную ее часть составляют так называемые спрятанные займы, полученные провинциальными правительствами в теневом финансовом секторе¹³. Доля последнего в общем объеме выданных кредитов достигла 50%¹⁴.

Как бы то ни было, масштабы надвигающегося банковского кризиса весьма велики, поскольку большая часть инвестиций предназначена для инфраструктурных проектов, не дающих быстрой отдачи, и строительства. Огромные средства оказались замороженными, в том числе в неликвидной недвижимости. Накапливаются *плохие долги*, угрожающие подорвать банковский сектор. «Экономика Китая — это огромный пузырь, — отметили в начале 2012 г. специалисты ИМЭМО РАН. — Его особенность заключается в сочетании избыточных мощностей в промышленности, инфляции, огромной безработицы, дополняемых пузырем в недвижимости. Пузыри, скорее всего, лопнут, оказав серьезное негативное воздействие на мировой рынок. События последних лет доказали несостоятельность экспортной стратегии. Ее продолжение в прежнем виде невозможно. Былых конкурентных преимуществ Китай уже не имеет. Китай не в состоянии служить локомотивом мировой экономики»¹⁵.

В известной мере этот вывод подтверждается аналитиками Всемирного банка, опубликовавшего в начале 2012 г. пространный доклад с типичным для современного либерального мейнстрима заглавием «Китай–2030. Строительство современного, гармоничного, творческого общества с высокими доходами»¹⁶. Содержательно доклад сфокусирован на двух проблемах. Первая — анализ сложившейся в Китае ситуации. Вторая — детально разработанные рекомендации, как преодолеть наступающий кризис, представляющие интерес, главным образом, для любителей абстрактных экономических изысканий. Хотя эти рекомендации сами по себе вполне разумны — дальнейшее распространение рыночных механизмов и институтов, развитие человеческого потенциала, приоритетное внимание к экологическим проблемам и так далее, реализация их крайне проблематична, поскольку требует существенной коррекции политической системы.

Однако диагноз поставлен достаточно ясно: Китай столкнулся с проблемами, типичными для стран, находящихся в *ловушке дохода среднего уровня*. Это маловразумительное словосочетание означает, что факторы, обуславливавшие быстрое экономическое развитие страны, либо уже исчерпаны, либо близки к этому. «Факторы и преимущества, обуславливавшие быстрый рост [на первом этапе перехода к среднему уровню дохода — Ю. Ф.] — низкая стоимость рабочей силы и легкая адаптация технологий, исчезают, когда страны достигают среднего или выше среднего уровня развития. Становится необходимым искать новые источники роста»¹⁷. Расшифровывая этот тезис, авторы доклада пишут: «Страны с низким уровнем дохода успешно конкурируют на международных рынках, развивая трудоемкие и малозатратные производства на основе полученных из-за рубежа технологий. Быстрый рост производительности труда [в начальный период — Ю. Ф.] обусловлен перетоком капитала и рабочей силы из низкопроизводительного сельского хозяйства в промышленность, где производительность намного выше. Но при выходе на средний уровень дохода приток рабочей силы сокращается, а зарплата растет, подрывая конкурентоспособность»¹⁸.

В целом это краткое, но точное описание эволюции китайской экономики за последние тридцать лет. Нынешняя ситуация в Китае осложняется еще и тем, что в результате политики снижения рождаемости численность населения практически стабилизировалась. Предполагается, что она достигнет максимума в районе 2020 г., лишь незначительно — на 2–3% — увеличившись по сравнению с нынешним уровнем, и затем начнет снижаться. В итоге увеличивается доля старших возрастных групп и демографическая нагрузка на каждого работающего, исчерпываются возможности увеличения рабочей силы в результате возрастающего притока трудоспособной молодежи.

Выход из этой ловушки, как показывает опыт нескольких стран, невозможен без технологической и социальной модернизации. Вопрос о том, в какой мере китайская элита способна модернизировать социальные и политические институты, остается спорным. Но есть другая сторона дела. Помимо всего прочего, должна быть обновлена технологическая база большей части экономики, что требует колоссальных затрат. Еще важнее, что страна не может просто заимствовать из-за рубежа современные технологии, но должна создавать свои собственные. Интел-

лектуальный капитал стал одним из главных, может быть, самым главным фактором, определяющим перспективы социально-экономического развития страны и ее положение в мировой системе.

Непреодоленная научно-техническая отсталость — одно из самых слабых мест Китая. Хотя по отдельным направлениям НТР он добился определенных успехов, по общему уровню научного и технологического развития страна заметно отстает от развитых государств и России. Пилотируемый космический полет был осуществлен в Китае в 2003 г., в СССР и США это было сделано в начале 1960-х гг. До сих пор в Китае нет разделяющихся боеголовок индивидуального наведения. Иными словами, по уровню развития ракетно-космических технологий Китай отстает от России на 30–40 лет. Похожая ситуация в авиастроении. Прототипом самого современного китайского боевого самолета Чэнду J-10 послужил израильский истребитель *Lavi*, оснащенный при этом российскими двигателями. Между тем, способность создавать космическую и авиационную технику гражданского и военного назначения является одним из ключевых показателей развития научного и технологического потенциала Китая, страны, стремящейся самостоятельно разрабатывать и производить современную военную технику.

Разумеется, китайское руководство не жалеет средств на создание мощного научно-технического потенциала. Во второй половине 2000-х гг. расходы на НИОКР растут примерно на 12% в год. В 2010 г. они составили около 150 млрд долл. В стране издается 4700 научных и технических журналов¹⁹. Однако эффективность этих усилий невелика, по крайней мере, до настоящего времени. Примерно 95% всех патентов, выданных китайским исследователям и инженерам властями КНР, представляют собой «инновации, вносящие лишь незначительные изменения в существующие конструкции»²⁰. Количество патентов, полученных китайскими авторами за пределами Китая, то есть признанных на международном уровне, минимально. Так, американское патентное ведомство U. S. Patent and Trademark Office в 2010 г. выдало китайским исследователям примерно в 15 раз меньше патентов, чем, например, японским.

Таблица 2. Количество патентов, выданных U. S. Patent and Trademark Office (тысячи)²¹

	1995	2000	2005	2010
США	55,6	84,7	74,3	107,1
ЕС	16,3	25,2	21,3	30,7
Япония	21,8	31,3	30,4	44,9
Китай	0,168	0,326	0,744	3,2
Россия	0	0	0,222	0,385

Есть и другие показатели, свидетельствующие о том, что Китай намного отстает от США, ЕС и Японии в научно-технической области. В частности, на США, Европейские государства и Японию приходится примерно по 30% патентов, имеющих высокую глобальную ценность, тогда как Китай входит по этому показателю в группу государств, которым в 2000-е гг. принадлежало в общей сложности от 5 до 6% патентов такой категории²². Иными словами, расхожее представление о Китае как о формирующейся гипердержаве XXI в., как минимум, требует серьезной коррекции. Страна, неспособная самостоятельно создавать высокие технологии гражданского и военного назначения мирового уровня, по самой своей природе не может быть гипердержавой. Признаков того, что Китай преодолевает отставание в научно-технической области, пока нет.

Ирма Аргуэльо (Аргентина), председатель Фонда нераспространения во имя глобальной безопасности — по электронной почте из Буэнос-Айреса: Резко обострились отношения между Аргентиной и Великобританией из-за Мальдивских/Фолклендских островов. Замороженный конфликт угрожает перерасти в активную фазу. Официальный Буэнос-Айрес на всех международных форумах поднимает проблему милитаризации Южной Атлантики в связи с активизацией британских атомных подлодок близ границ государств региона. Великобритания не признает начала новой конфронтации с Аргентиной. Тем не менее, напряженность растет. В Колумбии повстанческая группировка ФАРК захватила в заложники французскую журналистку. Растет нестабильность в Венесуэле из-за прогрессирующей болезни Уго Чавеса. Прогнозы относительно улучшения его состояния пессимистичны. Чавес принял решение отказаться от участия в работе комитета по правам человека Организации американских государств. Президентский Саммит Америк в апреле 2012 г. продемонстрировал новые разногласия в отношениях США с некоторыми государствами Южной Америки. Аргентина и Боливия приняли решения национализировать крупнейшие нефтяные компании в своих странах. Это вызвало жесткую критику Испании и других государств Европейского Союза.

Одновременно все более вероятным является сценарий нарастания в Китае экономического, а затем политического кризиса, последствия которого предсказать крайне трудно, если вообще возможно. Одним из признаков его приближения является рост неомоистских настроений. *Идеи Мао* в их модернизированном варианте становятся элементом массового сознания. Распространяется миф о бывшем властителе Китая как о борце за интересы простых людей. Если эти тренды сохранятся, то возможен социальный взрыв, *новая культурная революция*, острие которой будет направлено против реформ и их носителей. Но, как и в период *культурной революции*, недовольство дезориентированных масс будет использовано политическими силами в борьбе за власть.

О том, что такое развитие событий не исключено, свидетельствует падение в марте 2012 г. одного из руководителей Компартии Китая Бо Силая, шефа партийной организации крупнейшего китайского мегаполиса Чунцин, которому прочили членство в состоящем из 9 членов Постоянном комитете Политбюро ЦК КПК, высшем органе власти в стране. Мировые СМИ оживленно комментировали крах Бо Силая, обсуждая подробности скандала, связанного с его коррупционными махинациями и убийством в Чунцине британского бизнесмена, делового партнера и, возможно, бойфренда жены партийного руководителя мегаполиса. Но, похоже, устранение Бо Силая с политической арены, было вызвано тем, что он содействовал распространению в Чунцине неомоистских настроений. Можно предположить, что верхушка китайской Компартии всерьез обеспокоилась, что Бо Силай, опираясь на растущее недовольство масс, а возможно, и части госаппарата, может прорваться к власти и пересмотреть нынешнюю стратегию развития страны.

СЛАНЦЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В политических и академических кругах, масс-медиа и общественном мнении широкое распространения получило представление о том, что после распада СССР и окончания холодной войны международные отношения в растущей мере определяются борьбой за сокращающиеся природные ресурсы, прежде всего

месторождения нефти и газа. Перспективы грядущих *войн за ресурсы*, в том числе в Арктике, стали постоянной темой для обсуждений не только в средствах массовой информации, рассчитанных на неприязнительную публику, но и в претендующей на респектабельность академической литературе. Много написано о том, что *эпицентр* мировой политики переместился из Европы на Ближний и Средний Восток. Действительно, лидеры развитых стран нервно вздрагивают при падении очередного арабского диктатора, столкновении племен в Йемене и каждом выступлении Ахмадинежада. Причина тому, прежде всего, в уникальном положении этих регионов как источника углеводородов глобального масштаба. Выводы, основанные на экстраполяции существующих трендов, например, результаты расчетов экспертов *BP*, предполагают сохранение или возрастание доли Ближнего Востока в мировом производстве углеводородов и энергии в целом.

Таблица 3. Доля Ближнего и Среднего Востока в мировой энергетике (% , прогноз *BP*)²³

	1990	2010	2030
Нефть	26,8	30,3	36,5
Природный газ	5,1	14,4	19,0
Мировое производство энергии	11,5	14,7	14,9

Похоже, однако, что эти и многие другие оценки и прогнозы не учитывают несколько факторов, способных принципиально изменить расстановку сил на мировом рынке углеводородов. Речь идет не только об открытии и освоении новых месторождений конвенциональной нефти в Судане и Восточной Африке в целом, Гвинейском заливе и так далее, но, что намного важнее, о введении в мировой энергетический баланс сланцевых газа и нефти.

Технически извлекаемые ресурсы сланцевого газа в мире, по сугубо предварительным и, видимо, заниженным оценкам, составляют около 185 трлн м³, то есть примерно 40% аналогичных традиционных ресурсов природного газа.

Таблица 4. Технически извлекаемые ресурсы сланцевого газа (трлн м³)²⁴

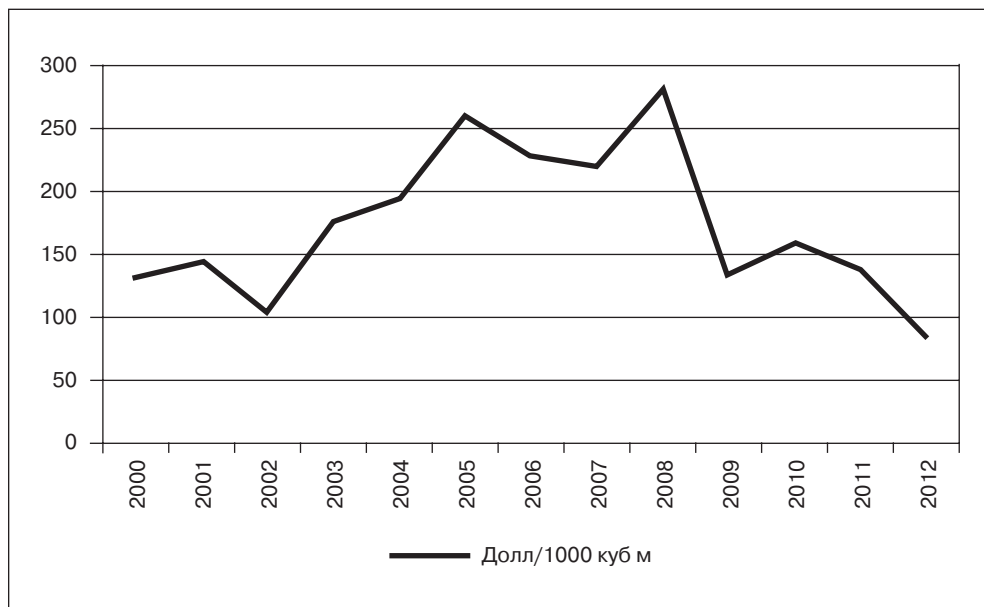
Северная Америка	35,4
Центральная и Южная Америка	53,9
Европа	17,1
Азия	50,5
Африка	29,5

Наиболее крупные из известных сегодня его месторождений находятся в Китае, США, Аргентине и Мексике. Сколько-нибудь обоснованные обобщающие оценки его запасов, разработка которых с использованием нынешних технологий коммерчески рентабельна, пока неизвестны.

Сланцевая революция, то есть добыча сланцевого газа в промышленных масштабах, началась в США в первой половине 2000-х гг. в результате внедрения двух новых технологий — горизонтального бурения и гидроразрыва пластов. В значимых количествах сланцевый газ появился на рынке в 2008 г. и с тех пор его производство быстро растет. По данным американского правительственного Агентства энергетической информации, в 2010 г. в Соединенных Штатах было произведено около 140 млрд м³ сланцевого газа, что составило примерно 23% общей добычи газа в стране²⁵. По оценкам крупнейшей частной консалтинговой фирмы *IHS Global Insight*, доля сланцевого газа в 2010 г. достигла 27% производства природного газа в США, а в 2011 г. она возросла до 34%, то есть до 220 млрд м³.²⁶

Рис. 3. Цена природного газа в США «на выходе из скважины» (wellhead price)²⁷

В итоге его ежегодное производство в США в 2008–2011 гг. выросло более чем на 100 млрд м³. Произошло падение цен на газ и сокращение его импорта, в том числе из нестабильных районов мира. Примерно в два раза, по сравнению с серединой 2000-х гг., вырос экспорт. Правительственные эксперты и аналитики *IHS Global Insight* расходятся в прогнозах относительно конкретной доли сланцевого газа в энергетическом балансе США в ближайшие 10–20 лет, но согласны с тем, что она будет расти.

В сочетании с массовым внедрением технологий сжижения газа и его транспортировки в сжиженном виде, относительно низкие издержки добычи газа в США — как конвенционального, так и сланцевого, делают крупномасштабный экспорт газа из США коммерчески эффективным. Оптовые цены на природный газ в Европе колеблются около 350 долл. за тысячу м³, а в Азии — достигают 450 долл. за тысячу м³.

Не менее важную роль в мировой экономике и, следовательно, политике сыграет освоение месторождений так называемой сланцевой нефти — смолы (керогена), близкой по составу к нефти, составляющей обычно от 10 до 30% окаменевшей глины, известной под названием сланцы. В настоящее время сланцевая нефть добывается в небольших количествах в Китае (около 375 тыс. т в год), Бразилии (200 тыс. т в год), а также в Эстонии (355 тыс. т в год), что полностью избавило эту страну от импорта нефти. Как правило, сланцы добывают в шахтах или в открытых карьерах и затем извлекают из них кероген, но в последние годы для его получения были разработаны технологии, сходные с теми, что применяются при добыче сланцевого газа.

По последним оценкам мировые ресурсы технически извлекаемой сланцевой нефти весьма велики — около 4,8 трлн баррелей, что эквивалентно почти 690 млрд т. Это в 4,5 раза больше, чем известные запасы нефти, добыча которой сегодня оправдана с экономической точки зрения. Основные известные сегодня месторождения сланцевой нефти находятся в США.

Таблица 5. Мировые ресурсы сланцевой нефти²⁸

Регион	Млрд баррелей	Млрд тонн
Африка	159,3	23,2
Северная Америка	3 722,0	536,9
Центральная и Южная Америка	82,4	11,8
Азия	384,3	51,9
Европа	368,2	52,8
Ближний Восток	38,2	5,8
Австралия и Новая Зеландия	31,7	4,5

Перспективы освоения сланцевых нефти и газа и, соответственно, перспективы глубокой перестройки мирового энергетического рынка определяются тремя группами факторов: наличием технологий их добычи себестоимостью добычи, а также геополитическими и стратегическими соображениями. Необходимые технологии созданы и совершенствуются. Стратегические факторы также очевидны. Сильная зависимость мировой энергетики от ограниченного числа крупнейших источников углеводородов, находящихся в политически нестабильных районах, порождает напряженность рынка, постоянные всплески и падения цен, чревата экономическими катастрофами в случае длительного перерыва поставок.

По большинству оценок, производство сланцевой нефти становится рентабельным при оптовых ценах, начиная с 60 долл. за баррель. Это намного выше, чем себестоимость добычи нефти из давно разрабатываемых месторождений и ее транспортировки к районам переработки и потребления. Так, в 2010 г. себестоимость добычи нефти у российских и ряда крупнейших западных компаний находилась между 4 и 10 долл. за баррель²⁹. Однако ситуация принципиально меняется, когда речь идет об освоении новых источников конвенциональной нефти, например, глубоководных морских месторождений. Себестоимость добычи в этих случаях сопоставима с себестоимостью производства сланцевой нефти.

Таблица 6. Стоимость приращения производства нефти (затраты на производство каждого последующего барреля из-за изменений условий добычи), долл. за баррель³⁰

Страна	Способ приращения производства нефти	Затраты на добычу каждого последующего барреля нефти (incremental oil cost), долл. за баррель
Бразилия	Глубоководные месторождения	60–80
США	Месторождения на шельфе	70–80
Казахстан	Месторождения на шельфе	70–80
Казахстан	Сухопутные месторождения	50–70
Ангола	Глубоководные месторождения	70–80
ОАЭ	Реконструкция месторождений	50–70

Перспектива глубоких изменений в энергобалансе США, а в дальнейшем — в глобальных масштабах, связанных с освоением сланцевых газа и нефти, затрагивает весьма чувствительные политические и экономические интересы энергетических компаний и государств, экспортирующих и импортирующих углеводороды. Это,

естественно, приводит к острой дискуссии относительно самой возможности *сланцевой революции* и ее последствий. В частности, появление на американском рынке больших дополнительных объемов газа повысило предложение и, соответственно, снизило внутренние цены на него до минимума — примерно 90–100 долл. за тысячу м³ в начале 2012 года. Этим моментально воспользовались противники освоения сланцевых месторождений, утверждавшие, что компании, добывающие сланцевый газ, искажают отчетность и находятся на грани банкротства, поскольку себестоимость его производства достигает 260–280 долларов за м³.³¹ Насколько обоснованны такого рода расчеты, сказать трудно. Цены на газ в США колеблются в широком диапазоне значений, определяясь сложной комбинацией факторов. Сторонники *сланцевой революции* подчеркивают, в свою очередь, что рентабельность производства сланцевого газа обусловлена высокой рыночной стоимостью его жидких фракций, которые составляют примерно 17% общей добычи, но приносят 40% выручки³². Но главное в другом — на момент написания этого обзора не было каких-либо свидетельств того, что компании, добывающие сланцевый газ, находятся в скверном финансовом положении.

Разумеется, масштабы производства сланцевых нефти и газа (а также других неконвенциональных углеводородов — газа из плотных коллекторов, канадских нефтеносных песков, газогидратов, угольного метана и так далее) зависят не только от наличия технологий и себестоимости добычи, но также от экологического фактора, общественного мнения, политической и военно-политической обстановки в основных зонах добычи, темпов роста мировой экономики и многих других обстоятельств. В итоге прогнозирование конкретных сроков ввода в действие тех или иных месторождений и объемов производства сланцевых нефти и газа практически невозможно. Но базовый тренд определился достаточно ясно — добыча этих углеводородов будет расти, стоимость их производства и транспортировки будет играть растущую роль в формировании цен на нефть и газ, а структура мирового энергетического рынка претерпит (возможно, уже в течение ближайших 10–12 лет) серьезные изменения.

Геополитические и стратегические последствия этих изменений будут более чем заметными. *Во-первых*, серьезно снизятся вклады стран Персидского залива и России в производство углеводородов. Соответственно, сократится значение зоны Персидского залива и Ближнего Востока в целом в мировой политике. Россия потеряет ключевой, возможно, единственный практически значимый инструмент влияния на события в Европе и в более широком международном контексте.

Во-вторых, США не только достигнут самообеспечения по нефти и газу, но превратятся в их экспортера мирового уровня. В сочетании с высоким потенциалом научно-технического развития, огромной экономической и военной мощью это еще более укрепит роль США в мировой системе. Последняя приобретет все более четкие *однополярные* очертания.

В-третьих, снизится зависимость Европейских государств, Японии и Китая от импорта нефти и газа, и, следовательно, их нынешний чрезмерный интерес к развитию событий на Ближнем Востоке. В Китае в сочетании с нерешенными экономическими и социальными проблемами это будет содействовать концентрации внимания и усилий на внутренних проблемах и сокращению внешнеполитической активности, одним из главных мотивов которой является стремление гарантировать бесперебойные поставки нефти и газа и безопасность путей их транспортировки.

В-четвертых, будет окончательно дискредитирована популярная, но наивная концепция войн за ресурсы. Сократится, возможно, до минимального уровня интерес к дорогостоящим и крайне трудным в техническом отношении проектам добычи углеводородов в Арктике. (По данным внутрикорпоративного учебного курса компании *Роснефть* себестоимость добычи одной тонны нефти составляет на разрабатываемых сегодня месторождениях Российской Федерации — 30–60 долл.; а на арктическом шельфе — 200–300 долл.³³). Эта тенденция уже проявилась в замораживании освоения Штокмановского месторождения. Замедлится развитие ядерной энергетики.

ВТОРАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Немало стереотипов сформировалось относительно России. В частности, в российских оппозиционных кругах широкое распространение получила концепция, согласно которой третье президентство Путина стало началом конца нынешнего режима, ибо власть окаменела, окончательно потеряв способность адаптации к меняющимся условиям внутри и вне страны. «Никому и никогда не перехитрить логику агонии, коль скоро она началась», — пишет Лилия Шевцова, пожалуй, самый проникательный из российских экспертов-политологов³⁴. На Западе тем временем все больше утверждается мнение, что российская власть лишь имитирует антизападную направленность внешней политики, играя на реваншистских настроениях традиционно настроенной части населения, с тем чтобы укрепить свои позиции внутри страны. В совокупности эти представления приводят к недооценке роли России на мировой арене и, прежде всего, в Европе. Кроме того и та, и другая точка зрения не отражают всю сложность и неоднозначность процессов, протекающих в российском обществе.

Ожидание скорого крушения режима отражает не столько политические и экономические реальности России, сколько негативное отношение к правящей верхушке. Оно всегда было характерно для российского образованного класса, да и для значительной части общества в целом. Но эмоциональное неприятие режима часто мешает трезвому анализу его сильных и слабых сторон.

Демонстрации протеста зимой 2012 г., насчитывавшие десятки тысяч человек, породили своего рода эйфорию. Казалось, еще немного и режим рухнет, подобно тому, как это произошло в СССР в 1991, в Грузии — в 2003, в Украине — в 2004, в Египте и Тунисе — в 2011 г. Многие надеялись, что новые информационные технологии и социальные сети могут заменить строительство политических организаций, выработку более или менее внятных программных установок, выдвижение популярных лидеров. Возник миф о *твиттер-революции*, в которой все эти проблемы решаются автоматически. Но ничего автоматического в политике не происходит.

В перспективе 10–15 лет или даже далее судьба России оптимизма не вызывает. Деградация научно-технического потенциала, растущая зависимость экономики от экспорта углеводородов, неспособность и нежелание модернизировать институты и экономику, всепроникающая коррупция и другие пороки нынешней России хорошо известны. Социологи отмечают растущее раздражение и недовольство властью. Нынешний режим не способен удовлетворить растущие запросы на справедливость и нормальную правовую систему, создать эффективное здравоохранение и образование. Для этого нужно сменить не только принципы функционирования власти, но и значительную часть чиновничества, полицейского аппарата и армейского генералитета персонально. Любая попытка такого рода чревата государственным переворотом. Российская бюрократия хорошо усвоила, что потеря должности может обернуться потерей свободы.

Но это не означает агонии режима, по крайней мере, в ближайшие несколько лет. Имеются глубокие различия между ситуацией, возникшей в России на рубеже 2011–2012 гг., и в странах, где произошли успешные смены режимов. В России не было раскола элиты, являющегося важным, возможно, необходимым условием относительно безболезненной смены режима. В большинстве своем правящая верхушка, состоящая из нескольких тысяч человек, контролирующая бюрократический аппарат, армию, правоохранительные и специальные службы, а также основные экономические ресурсы, поддержала Путина. По-видимому, они связывают с Путиным и его ближайшим окружением сохранение статус-кво, в котором эти группы заинтересованы больше, чем в модернизации, повышении эффективности управления и решении обостряющихся экономических и социальных проблем страны.

В отличие от Египта и Туниса, где после первых же вспышек массового протеста на политическую арену вышло армейское командование, воспользовавшееся ситуацией, чтобы сбросить надоевшие им правящие клики, в России генералитет

лоялен Кремлю, по крайней мере, до тех пор, пока последний наращивает военные расходы. Отставка Кудрина стала следствием ослабления позиций псевдолиберального крыла в руководстве страны и, соответственно, усиления силовиков. В целом к маю 2012 г. высшие слои бюрократии стали более однородными с точки зрения ключевых политических установок и взглядов.

Далее, верхушка оппозиции оказалась политическим банкротом. Ключевые вопросы, встающие при любой смене режима, остались открытыми: кто вместо Путина? что будет после честных выборов? какую политическую и экономическую стратегию будет проводить новая власть? Лидеры оппозиции не дали и не могли дать ответа на них, в том числе и потому, что само протестное движение состоит из самых разных по своей политической ориентации групп — коммунистов, анархистов и иных *новых левых*, националистов, в том числе фашистского толка, либералов и так далее. Единственно, что их объединяло, — согласие с тем, что будущая власть должна формироваться в результате выборов, в которых все будут иметь равные возможности. При этом в центре профессиональных дискуссий оказались проблемы реформирования политического механизма: какой республикой будет Россия — парламентской или президентской? нужно ли менять конституцию, и как это лучше сделать? Хотя эти вопросы очень важны, не они интересуют сегодня активную часть российского общества. Что же касается честных выборов, то повторять этот лозунг после того, как выборы кончились, просто бессмысленно.

И, наконец, в бывшем СССР и новых независимых государствах во главе оппозиции стояли динамичные харизматические лидеры — Борис Ельцин в Москве в 1991 г., Юлия Тимошенко в 2004 г. на Украине и Михаил Саакашвили в 2003 г. в Грузии, — не боявшиеся риска и жестких решений. На них надеялись и им доверяли массы. Еще важнее, что они опирались на сети сторонников в бюрократическом аппарате и правоохранительных ведомствах. В ряде случаев их личная популярность заменяла более или менее развернутую программу. Но сегодня в оппозиции (впрочем, во власти тоже), нет ни одного политического деятеля, сопоставимого по личному потенциалу с Ельциным, Тимошенко или Саакашвили. Одни вожди оппозиции боятся, что массовый протест выйдет из-под контроля. Другие, наоборот, провоцируют столкновения, следуя формуле Некрасова «Умрешь недаром, дело прочно, когда под ним струится кровь». Третьи надеются на то, что Кремль рано или поздно пойдет на подлинные политические реформы. Но никто из них не пользуется реальным доверием масс.

Иными словами, можно ожидать, что нынешний режим сохранится у власти, как минимум, еще несколько лет. А это ставит вопрос — каковы его внешнеполитические ориентиры и установки? В частности, насколько справедливо распространенное на Западе представление об имитационном характере антизападного тренда в российской внешней политике? Происходящая с середины 2011 г. консолидация элиты включает в себя выталкивание из высших слоев бюрократического аппарата фигур, понимающих опасность конфронтации России и Запада. На ключевых постах появляются фигуры, известные своей антизападной направленностью. При этом российская внешняя политика, похоже, все более формируется не в МИДе или Кремле, а в Министерстве обороны. Об этом свидетельствует, в частности, прошедшая в начале мая 2012 г. в Москве конференция с тяжеловесным названием «Фактор противоракетной обороны в формировании нового пространства безопасности», организованная Министерством обороны специально для того, как утверждали его представители, чтобы детально и доходчиво изложить взгляды и оценки военных экспертов.

Не секрет, что под давлением военного командования принятие США и НАТО российских ультимативных требований относительно противоракетной обороны в Европе стало главным элементом российской внешнеполитической линии в отношениях со странами Запада. Если этого не произойдет, говорят в Москве, Россия предпримет военные контрмеры, в том числе развернет тактические ракеты *Искандер*, способные нести ядерные боеголовки, в Калининграде и некие ударные комплексы на юге страны, нацеленные на румынскую авиабазу Девеселу, где будут развернуты американские противоракеты *SM-3*.

Официально, майская конференция в Москве была организована для того, чтобы убедить западных военных и дипломатов в обоснованности российских озабоченностей и плодотворности сотрудничества с Россией. Похоже, однако, что российское военное командование имело в виду совсем другие цели.

Доказать профессионалам, что европейская система ПРО способна перехватывать российские стратегические ракеты, можно только приводя конкретные цифры и расчеты, основанные на более или менее правдоподобных тактико-технических данных как российских баллистических ракет, так и элементов ПРО, которые будут развернуты в Европе. В первую очередь, должны были бы предметно обсуждаться такие параметры как время между стартом российской ракеты и ее обнаружением средствами американской ПРО; время подготовки к старту противоракеты; время достижения максимальных скоростей как ракетой, так и противоракетой; величина этих скоростей; высота полета ракеты над зоной потенциального перехвата и предельная боевая высота противоракеты и некоторые другие. Только на основе этих данных можно более или менее объективно ответить на вопрос: может развернутая в Европе ПРО сбить российскую МБР или нет.

Именно такой подход был продемонстрирован в статье российских специалистов, генералов-ракетчиков В.И. Есина и Е.В. Савостьянова «ЕвроПРО без мифов и политики», опубликованной 13 апреля 2012 г. в *Независимом военном обозрении*. Проведя детальный анализ, авторы пришли к выводу: «Можно утверждать, что в запланированном к 2020 г. облике ЕвроПРО не способна оказать сколько-нибудь значимое влияние на снижение потенциала РВСН»³⁵. Комментарии излишни.

В свою очередь, выступая на упомянутой конференции выскопоставленные российские военные старательно избегали называть какие-либо цифры, ссылаясь на некие проведенные в недрах российского военного ведомства исследования. В результате подготовленная ими на основе компьютерного моделирования презентация была не более убедительной, чем невысокого уровня детские мультфильмы о войне звездных империй. Еще слабее была аргументация в пользу сотрудничества России и НАТО. Утверждалось, что если на юге России будут развернуты комплексы ПРО, обладающие характеристиками, сходными с американскими противоракетными системами, то эффективность такой объединенной системы была бы много выше, чем та, которая будет свойственна системе ПРО, предполагаемой к развертыванию в Европе. Пикантность ситуации в том, что у России нет и в обозримое время не будет противоракет, сопоставимых по ключевым характеристикам, прежде всего высоте перехвата, с американскими *SM-3 Block I* и тем более *SM-3 Block II*. Иными словами, российское Министерство обороны предлагало США развернуть свою ПРО или ее элементы на юге России.

Перечислять слабые места российской аргументации по проблеме ПРО можно долго. Напрашивается вопрос: зачем Министерству обороны России потребовалось собирать весьма представительную конференцию за две недели до саммита НАТО, на котором будут приняты новые решения относительно ПРО в Европе, если заранее было ясно, что какого-либо позитивного результата достичь будет невозможно? Ответ, по-видимому, в том, что эта конференция задумывалась как подходящий случай для того, чтобы сделать очередной шаг в эскалации противостояния с НАТО и США.

Выступая на ней, начальник Генерального штаба генерал Н.Е. Макаров заявил: «Размещение новых ударных вооружений на юге и северо-западе России для огневого поражения компонентов ПРО, включая развертывание ракетного комплекса *Искандер* в Калининградской области, представляет собой один из возможных вариантов разрушения инфраструктуры ПРО в Европе». И далее: с учетом «дестабилизирующего характера системы ПРО, а именно — создание иллюзии нанесения безнаказанного разоружающего удара — принятие решения об упреждающем применении имеющихся средств поражения будет приниматься в период обострения обстановки»³⁶.

Иными словами, в любой момент, когда российским военным померещится, что США готовятся к военному столкновению с Россией, Москва может нанести удар, скорее всего ядерный, по целям в Европе. Это не просто очередное проявление мышления и логики холодной войны, а хорошо продуманная открытая военная угроза, провоцирующая новое обострение отношений между Россией и Западом.

САММИТ НАТО

Саммит Североатлантического альянса, состоявшийся в мае 2012 г. в Чикаго, вряд ли относится к эпохальным событиям, меняющим ход истории. Но преуменьшать его значение неверно. Далеко идущие последствия для военно-политической ситуации в евро-атлантическом пространстве и Центральной Азии имеет, в частности, подтвержденное в Чикаго решение всех входящих в Альянс государств о прекращении к 31 декабря 2014 г. операции в Афганистане. Разумеется, в документах саммита много говорится о том, что после вывода войск страны — члены НАТО будут оказывать «надежную и долгосрочную политическую и практическую поддержку» правительству Афганистана, что будет учреждена новая миссия в Афганистане и тому подобное. Будут эти обещания выполнены или нет, вопрос открытый, но далеко не самый существенный.

Важнее другое. После вывода войск из Афганистана высвободятся около 100 млрд долл., которые сегодня тратятся Соединенными Штатами на операции в этой стране. С гораздо большей пользой эти средства могут быть использованы для сокращения бюджетного дефицита США либо для создания и приобретения новых современных вооружений. Уход из Афганистана позволит США и НАТО уделять гораздо большее внимание проблемам, возникающим в более стратегически значимых районах. Среди них, в частности, зона Персидского залива, средиземноморский регион, бассейны Черного и Балтийского морей, Украина и Южный Кавказ. Заметно обострится ситуация в Центральной Азии. Перспектива того, что после вывода войск международной коалиции к власти в Афганистане придут талибы, практически не ставится под сомнение. В итоге, Исламское движение Узбекистана, Хизб-ут Тахрир и другие экстремистские организации получают надежный тыл и активизируют действия в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии. Если это совпадет со сменой высшего руководства в Ташкенте и Астане, что весьма вероятно, то обстановка в этих странах накалится до предела. Интересы Европы и, особенно, США это практически не затронет. Но Москве и Пекину волей-неволей придется заниматься умиротворением в Центральной Азии, что, естественно, отвлечет их ресурсы от других регионов.

Решение об уходе из Афганистана позволяет НАТО сосредоточиться на других важных проблемах. Среди них на первом месте находится укрепление боеспособности и повышение эффективности вооруженных сил стран-членов Альянса в условиях неразрешенного финансового кризиса. Ни США, ни европейские государства не могут в ближайшие годы увеличивать расходы на оборону. Между тем, поддержание обороноспособности становится все дороже. Уже сегодня многие европейские страны не могут обеспечить свою безопасность собственными силами. Это предопределило самое главное решение, одобренное саммитом НАТО — о так называемой *умной обороне*.

Речь идет о дальнейшем развитии и углублении военной интеграции стран-членов Альянса на основе специализации и кооперации. В документах саммита подчеркнуто: «В связи с тем, что технология становится все более дорогостоящей, а на оборонные бюджеты налагаются ограничения, многие страны НАТО могут обеспечить наличие ряда потенциалов только путем совместной работы над их созданием и приобретением. И поэтому мы приветствуем решения стран НАТО по осуществлению конкретных многонациональных проектов, в том числе для улучшения защиты наших сил, совершенствования наблюдения и учебной подготовки. Эти проекты будут способствовать повышению оперативной эффективности, экономии на масштабах и более тесной сопряженности наших сил. Благодаря

ря им будет приобретен опыт, необходимый для осуществления дополнительных проектов *умной обороны* в будущем»³⁷.

Разумеется, такую цель намного легче провозгласить, чем реализовать. Главное препятствие — естественное стремление любого государства, особенно относительно крупного, сохранить максимум независимости в вопросах обеспечения внешней безопасности. Другого выхода у европейских государств просто нет. При этом углубление военной интеграции будет идти шаг за шагом, постепенно формируя организационные формы и многосторонние институты, способные координировать усилия в области обороны. Наконец, идея *умной обороны* опирается на уже накопленный опыт, в том числе связанный с реализацией европейской ПРО, многосторонних программ использования беспилотных летательных аппаратов для наблюдения за земной поверхностью, самолетов АВАКС и перебросок войск по воздуху. В настоящее время определены еще несколько многосторонних проектов. Среди них — создание общих для всего Альянса запасов высокоточных боеприпасов; общего парка авиации морской патрульной авиации; единого центра подготовки пилотов; единой системы разведки, наблюдения и целеуказания и некоторых других. Рассматриваются двусторонние проекты. Например, Бельгия и Голландия собираются совместными усилиями осуществлять воздушное патрулирование в воздушном пространстве Бенилюкса.

В принятых чикагским саммитом документах ясно просматривается настороженное и критическое отношение к России. Это неудивительно, поскольку раздающиеся из Москвы в последние несколько лет воинственные заявления вызывают раздраженную реакцию на Западе. В документах саммита НАТО, разумеется, содержатся дежурные фразы относительно желательности сотрудничества с Москвой. Но, одновременно, многократно повторен тезис о коллективной обороне как одной из ключевых задач Альянса. Имеется в виду оборона от реальных или потенциальных военных угроз, исходящих от России. Других источников военной опасности для всех стран-членов НАТО просто нет. В этом контексте весьма многозначительно выглядит тезис о ядерном оружии как «центральной составляющей общих сил и средств сдерживания и обороны НАТО»³⁸. Лидеры Североатлантического альянса намерены в рамках Совета России-НАТО поднять «вопрос об озабоченности стран НАТО в связи с заявленными намерениями России в отношении военных развертываний вблизи границ Североатлантического союза»³⁹. Судя по всему имеются в виду угрозы развернуть новые ракеты *Искандер* в Калининградской области и некие ударные средства на юге России, предназначенные для ударов по румынской авиабазе Девеселу. В целом же, тональность относящихся к России разделов принятых в Чикаго документов и набор затронутых в них проблем являются своего рода сигналом, посланным Москве. Его скрытый смысл заключается в следующем: если нынешняя жесткая антизападная позиция не будет пересмотрена, то НАТО будет принимать адекватные ответные меры.

Российские средства массовой информации и официальные лица предпочли не заметить эти моменты. Фактически, реакция Москвы свелась к жалобной констатации того, что лидеры стран-членов НАТО не учли российские озабоченности относительно ЕвроПРО и не дали юридически обязывающих гарантий ее ненаправленности против России. Официальный представитель МИД России А. К. Лукашевич посетовал также, что «в НАТО так и не сделали принципиальных выводов из трагических событий августа 2008 г.»⁴⁰ Судя по всему, он имел в виду, что НАТО отказывается признать так называемую независимость Абхазии и Южной Осетии, поддержали территориальную целостность и суверенитет Грузии в пределах ее международно-признанных границ, приветствовали обязательство Грузии не применять силу и призвали Россию пойти на такой же шаг⁴¹. Уполномоченный МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права К. К. Долгов серьезно обеспокоился «повальными агрессивными арестами мирных демонстрантов в Чикаго» (было арестовано около 50 человек) в контексте «реализации демократических прав и свобод выражения мнения, собраний и ассоциаций, которые гарантируются основополагающими международными договорами и соглашениями»⁴².

В ПЕРСПЕКТИВЕ — НОВАЯ ОДНОПОЛЯРНОСТЬ

События последнего времени дают все больше оснований сомневаться в нескольких аксиомах политического мышления, сложившихся в первое десятилетие XXI в. Не повторяя всего, что было написано, общий вывод может быть следующим: представления о том, что центр тяжести мировой политики перемещается на юг и восток, а роль США в ней сокращается, требуют серьезной коррекции. Скорее, в ближайшие годы появится и будет набирать силу иной тренд — формирование *новой однополярности*. И в самом деле. Главный кандидат на роль глобального геополитического противовеса США — Китай вряд ли сможет сыграть эту роль. Его научно-технический, а следовательно, и военный потенциал останется несопоставимым с американским. Кроме того, Пекину предстоит искать выход из сложнейшего комплекса проблем, связанных с выходом из *ловушки дохода среднего уровня*, и нет уверенности в том, что такой выход будет найден. Самообеспечение по нефти и газу и превращение в экспортера углеводородов еще более укрепят позиции и свободу действий США на мировой арене. Антиамериканские настроения в Европе, скорее всего, сохранятся. Но прагматичные европейцы постараются предоставить США возможность решать общие для евро-атлантического сообщества международные проблемы, с тем чтобы самим сосредоточиться на европейских сюжетах. Россия в ближайшие годы окончательно превратится в дестабилизирующий фактор мировой политики, но ее влияние будет ограничено районами, расположенными вблизи российских границ.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ЗУБЫ ДРАКОНА, ИЛИ ВСХОДЫ ДЕМОКРАТИИ

События последних трех–четырёх месяцев, а по сути, всего последнего года, наглядно показали всем, кто готов беспристрастно взглянуть на развитие современных международных отношений, что политика и впрямь является продолжением экономики, а геополитика — продолжением геоэкономики. Это не делает краткосрочные маневры различных государств вокруг тактических проблем военно-политического плана менее интересными, но только если не забывать о тех глубинных процессах, которые они скрывают. В конечном счете, тактическая победа имеет смысл только там и тогда, когда она вписывается в некий глобальный план. В противном случае плоды победы будут быстро утрачены, уйдут, как песок сквозь пальцы, подобно тому, как ушла сквозь пальцы победа в конфликте с Грузией, которая — победа — трансформировалась в пару слабеньких фильмов, снятых явно для распила бюджета, да в воспоминание *об огнях — пожарищах* и не случившемся *марше на Тбилиси*.

О ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ АДЕКВАТНОСТИ И ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Современные международные отношения напоминают ситуацию, когда хозяева лавки с фарфоровыми и хрустальными изделиями, запершись внутри, смотрят за топчущимся у дверей слоном и думают: *вломится или не вломится?* То есть посуда уже потихоньку бьется, осколками засыпан пол, но остается надежда, что самого страшного удастся избежать. Причем, хозяева лавки уже не очень представляют себе, сколько целой посуды у них в действительности осталось. Но им очень хочется думать, что много, даже если это и не соответствует действительности.

Более всего забавны наши европейские друзья: только что, вытянув из преддефолтного состояния Грецию и с содроганием приглядываясь к Испании, они во всеуслышание объявляют о преодолении глобального экономического кризиса, который, по расчетам американцев, еще не начался. И это на фоне прямого прово-

Нандан Унникришнан (Индия) — директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник Исследовательского фонда *Obsever* — по телефону из Дели: Начавшиеся переговоры между Индией и Пакистаном оказали позитивное влияние на климат безопасности в Южной Азии. В ходе переговоров наметились некоторые точки соприкосновения по многим проблемам двусторонних отношений. Если в среднесрочной перспективе между странами будет открыта торговля, это позитивно повлияет на всю южноазиатскую торговлю. Испытание Индией новой межконтинентальной баллистической ракеты не привело к ухудшению отношений ни с Пакистаном, ни с Китаем, и не стало началом новой гонки вооружений в этом регионе. Пожалуй, Индия — одна из немногих стран, у которой практически отсутствуют внешние враги. Главные угрозы безопасности для страны связаны с проблемами внутреннего развития. Отсутствие новых законов — основная проблема, препятствующая развитию. Существующая в Индии законодательная база была сформирована более тридцати лет назад и не соответствует реалиям времени, что является следствием отсутствия консенсуса между парламентариями по принятию новых законов.

Негативно на безопасность в регионе влияет эскалация напряженности между Китаем и Филиппинами из-за территориальной принадлежности рифа Скарборо в Южно-Китайском море, а также Китаем и Вьетнамом из-за острова Спратли. Этот район богат нефтяными ресурсами, и каждый раз, когда филиппинцы или вьетнамцы заключают соглашения с третьими странами на добычу нефти, это вызывает негативную реакцию со стороны Китая.

ходит хотя и болезненно, но быстро. Тут главное — готовность элиты к изменениям и готовность к лидерству в этих изменениях.

Главная проблема новой старой российской власти заключается в том, что по всем признакам она собралась *царствовать*, то есть реализовывать, конечно, с некоторыми поправками на новое состояние общества, концепцию *умиротворения и стабильности*, попиливая бюджет и остатки государственной собственности. И внешние, и внутренние факторы будут неизбежно заставлять российскую власть и сопряженную с ней часть элиты *править*, то есть принимать серьезные решения, связанные даже не с развитием страны, а с переконфигурированием ее внешней и внутренней политики. И очень большой вопрос, насколько нынешняя власть в принципе способна выработать, принимать и осуществлять подобные действия, даже если будет видеть, что по-иному нельзя. Я, конечно, не знаю насчет *низы не хотят*, но то, что *верхи уже не могут* — это точно.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ Талеб Насим Николас. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. Москва, Аттикус. 2009. С. 14.

² Классическим примером могут служить усилия *Газпрома* и связанных с ним исследовательских центров, пытающихся убедить общественное мнение и элиты в бесперспективности разработки месторождений сланцевого газа. Последнее, естественно, ставит под сомнение роль *Газпрома* как крупнейшего поставщика газа в Европу.

³ Пересчеты китайских экономических показателей по ППС вызывают серьезные возражения. Сопоставления по ППС в основе своей пригодны для стран с примерно одинаковой структурой экономики и схожими качественными характеристиками потребления. Расчеты по ППС не учитывают, в частности, что примерно 50% населения Китая живет в деревне, и в большинстве случаев качество потребляемых там товаров и услуг, включая социальные услуги и жилье, имеет для населения развитых стран нулевую цену.

⁴ International Monetary Fund. China: Report for Selected Subjects, http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/01/weodata/weorept.aspx?sy=1980&ey=2011&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&pr1.x=23&pr1.y=5&c=924&s=NGDP_RPCH%2CNGDPD%2CPPP_GDP%2CPPPSH&grp=0&a= (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

⁵ Minxin Pei. China's Governance Crisis. *Foreign Affairs*. 2002. September/October, <http://www.foreignaffairs.com/articles/58248/minxin-pei/chinas-governance-crisis#> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

⁶ Income gap and poor people in China, <http://factsanddetails.com/china.php?itemid=155&catid=11&subcatid=70> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

⁷ Fu Jing. Urban-rural income gap widest since reform. *China Daily*. 2010, March 2, http://www.chinadaily.com.cn/china/2010-03/02/content_9521611.htm (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

⁸ China 2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society. The World Bank. 2012. Washington D. C. P. 301.

⁹ Расчитано по China NBS Statistical data. National Bureau of Statistics of China, <http://www.stats.gov.cn/english> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.). I группа — крупнейшие мегаполисы Шанхай, Пекин, Тяньцзинь. II группа — Цзянсу, Чжэцзян, Внутренняя Монголия. III группа — Шандун, Фуцзянь, Ляопин, Гуандун. IV группа — Чунцин, Хубей, Хэбей, Шанси, Хэйлуцзян, Цзилинь. V группа — Нинся, Шэньси, Синьцзян, Хунань, Хэнань, Цинхай, Сычуань, Цзянси, Аньхой, Гуанси. VI группа — Тибет, Ганьсу, Юннань, Гуйчжоу.

¹⁰ Китаю угрожает кризис. Презентация на семинаре ИМЭМО РАН 1 февраля 2012 года, http://www.imemo.ru/ru/conf/2012/01022012/Presentation_01022012_01.pdf (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

¹¹ Ланьков Андрей. Модернизация в Восточной Азии, 1945–2010. Лекция, прочитанная 4 февраля 2010 года в Политехническом музее, Москва, <http://polit.ru/article/2010/03/11/lankov/> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

¹² China's Hidden Debt Risks 2012 Crisis, Northwestern's Shih Says. *Bloomberg News*. 2010, March 2, http://www.bloomberg.com/apps/news?pid=newsarchive&sid=aN94MF7BDx_A (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

¹³ Gordon Chang. China's Looming Debt Disaster. 2011, August 23, <http://www.thedailybeast.com/articles/2011/08/23/why-china-s-debt-problems-are-worse-than-america-s.html> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

¹⁴ Китаю угрожает кризис, http://www.imemo.ru/ru/conf/2012/01022012/Presentation_01022012_01.pdf (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

¹⁵ Там же.

¹⁶ China 2030. Building a Modern, Harmonious, and Creative High-Income Society. The World Bank. 2012.

¹⁷ Там же. С. 12.

¹⁸ Там же.

¹⁹ 2012 Global R&D funding forecast. Battelle. 2011, December. Pp. 28–29.

²⁰ Gupta Anil K. and Wang Haiyan. Chinese Innovation Is a Paper Tiger. *The Wall Street Journal*. 2011, July 28, <http://online.wsj.com/article/SB10001424053111904800304576472034085730262.html>

²¹ Appendix table 6–45. SPTO patent grants, by region/country/economy. In: 1995–2010 Science and Engineering Indicators 2012. US National Science Board. 2012, January. P. 667, <http://www.nsf.gov/statistics/seind12/pdf/at.pdf> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

²² Global high-value patents, by selected region/country: 2000–08, <http://www.nsf.gov/statistics/seind12/slides.htm> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).

- ²³ Рассчитано по: Energy production. Summary Tables. BP Energy Outlook 2030. BP. London. 2012, January.
- ²⁴ World Shale Gas Resources: An Initial Assessment of 14 Regions Outside the United States. U. S. Energy Information Administration. 2011, April. P. 4.
- ²⁵ Annual Energy Outlook 2012. Early Release Overview. U.S. Energy Information Administration. P.1.
- ²⁶ The Economic and Employment Contributions of Shale Gas in the United States. IHS Global Insight. 2011, December. P. 9.
- ²⁷ US Regional Natural Gas Prices. In: Natural Gas. Short-term energy outlook. Energy Information Administration. 2012, May 8, www.eia.gov/forecasts/steo/tables/?tableNumber=16#startcode=2000 (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).
- ²⁸ 2010 Survey of Energy Resources. World Energy Council. London. 2010. Pp. 101–102.
- ²⁹ Корытина Евгения. Нефть по 3 доллара. *РБК Daily*. 2010, 1 ноября 2010, <http://www.rbcdaily.ru/2010/11/01/tek/523807> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).
- ³⁰ Skrebowski Chris. A brief economic explanation of Peak Oil. ODAC Newsletter. 2011, September 16, <http://www.odac-info.org/newsletter/2011/09/16> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).
- ³¹ Dizard John. The true cost of shale gas production. *The Financial Times*. 2010, March 7, <http://www.ft.com/cms/s/0/e34f5282-2899-11df-a0b100144feabdc0.html#axzz1uZpCa3YS> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).
- ³² Иванов Николай. Труба тревоги нашей. *Новая газета*. 2012, 4 мая.
- ³³ Крылов Тимофей. Освоение российского арктического шельфа неизбежно. И требуются новые технологии, чтобы сделать добычу рентабельной. *Oil and Gas Eurasia*. N4. 2011, Апрель, <http://www.oilandgaseurasia.ru/articles/p/139/article/1480/> (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).
- ³⁴ Шевцова Лилия. Притворная модернизация. Медведевская Россия потратила впустую четыре года жизни. *Газета*. 2012, 3 мая, http://www.gazeta.ru/comments/2012/05/03_x_4570813.shtml (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).
- ³⁵ Есин Виктор, Савостьянов Евгений. ЕвроПРО без мифов и политики. *Независимое военное обозрение*. 2012, 13 апреля, http://nvo.ng.ru/armament/2012-04-13/1_pro.html?mpil (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).
- ³⁶ Генштаб не исключает возможность нанести упреждающий удар по ЕвроПРО. *РИА Новости*. 2012, 3 мая, http://www.ria.ru/defense_safety/20120503/640042925.html (последнее посещение — 8 мая 2012 г.).
- ³⁷ Summit Declaration on Defense Capabilities: Toward NATO Forces 2020. 2012, May 20. Para 7, http://www.nato.int/cps/en/SID-C0B0AF89-025CFF31/natolive/official_texts_87594.htm (последнее посещение — 7 июня 2012 г.).
- ³⁸ Deterrence and Defence Posture Review. 2012. May 20. Para 8, http://www.nato.int/cps/en/SID-24FD44DB-B45FEFC0/natolive/official_texts_87597.htm (последнее посещение — 7 июня 2012 г.).
- ³⁹ Chicago Summit Declaration. 2012, May 20. Para 37, http://www.nato.int/cps/en/SID-5F68F907-766D7A6C/natolive/official_texts_87593.htm (последнее посещение — 7 июня 2012 г.).
- ⁴⁰ Chicago Summit Declaration. Para 30.
- ⁴¹ К решениям саммита НАТО в Чикаго. Брифинг официального представителя МИД России А.К. Лукашевича. 2012, 24 мая, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/D6B281F503870BD844257A08004520F7 (последнее посещение — 7 июня 2012 г.).
- ⁴² Ответ Уполномоченного МИД России по вопросам прав человека, демократии и верховенства права К.К. Долгова на вопрос агентства «РИА Новости» в связи с действиями полиции по разгону манифестаций в Чикаго и Монреале. 2012, 21 мая, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/6F6C23EDA55F39F444257A05005C43A2 (последнее посещение — 7 июня 2012 г.).